

СЛУЧИЛОСЬ так, что мое трехмесячное пребывание в Париже совпало с бурными политическими событиями, которые глубоко потрясли страну и надолго останутся в памяти французов. Когда я приехал в Париж, казалось, ничто не нарушало «вечного праздника», по выражению Хемингуэя, парижских будней. Комната гостиницы, где я остановился, на улице Де ла Арп была настоящей парижской майсардой. В окне волнующей панорамой вставал образ Парижа, знакомый по прочитанным книгам, фильмам, картинам художников: бесконечное море крыш, мутные воды Сены, зеленый ажур весенней листвы каштанов, в тусклом золоте заката высилась громада Нотр Дам.

На улицах Парижа неустанной прибой красочной толпы, невероятные мини-юбки, текущие по плечам девушек водопады волос.

Прошло немного времени, и Латинский квартал неузнаваемо преобразился. Под окнами моей гостиницы рвались самодельные бомбы, вулканами в темноте пылали костры, появились первые баррикады, как факелы горели подожженные машины, многотысячной толпой скандировались лозунги. Звон битого стекла заглушался разрывом слезоточивых гранат и воем полицейских и санитарных машин. Въезжая в Латинский квартал, вы попадали в зону удрушающего слезоточивого газа и встречали бесконечные кордоны полицейских, одетых в черную форму, прикрывающихся, словно римские легионеры, большими круглыми щитами. По утрам квартал напоминал поле боя: бульвар Сан-Мишель преграждали спленные столетние деревья, перевернутые обугленные машины, развороченные мостовые. Закрыты кафе, закрыты магазины — всеобщая забастовка охватила всю страну. Не работала почта, телеграф, все средства передвижения — автобусы, метро, такси.

Очереди машин безрезультатно ждут бензина. Всюду надписи: «Грэйв иллимит» — неограниченная забастовка. В памяти встают образы французских революций, о которых написано столько книг. То и дело видишь среди манифестантов юные лица подростков — современных Гаврошей — в ковбойских штанах с длинными волосами аля битлс.

Каждый вечер собираются митинги экстремистов — маоисты, троцкисты и прочие. Круглосуточно митингует Латинский квартал. Толпы направляются в театр «Одеон», захваченный студентами. Над «Одеоном» развеваются красный и черный флаги. Стены домов, подобно тому, как я видел в Пекине, исписаны и заклеены печатными самодельными «дацзы бао». Улем гудит старинное здание Сорбонны, ставшее эпицентром волнений.

Кольбель древней французской культуры переживала необычные дни. Во внутреннем дворе Сорбонны обосновались многочисленные крикливые группы «истов» — сторонников «немедленных акций», всеобщего разрушения. На камнях и ступенях двора в живописных позах, в невероятных одеждах манифестанты: митингуют, спят, призывают, читают, пишут, жуют, целуются. Тут же перебинтовывают раненых, сквозь толпу протискиваются санитары.

Многие французы говорили мне: «Мы накануне гражданской войны». Буржуа начали собирать чемоданы. Как это все случилось? Какие силы вернули страну в такой небывалый кризис?

Как известно, все началось с, казалось бы, незначительных студенческих волнений в Нантерре, которые вначале вызывали улыбку. Вскоре факультет

в Нантерре был закрыт, а Сорбонна по просьбе ректора оккупирована полицией, что вызвало бурный протест студенчества: ничего подобного в истории Сорбонны не было. Появились полицейские машины, полиция пока не в железных касках, а в фуражках. Кто-то разбил камнем ветровое стекло полицейской машины. Грянула буря...

Однажды ночью я был свидетелем ожесточенной схватки у древнего аббатства Клуни. Многотысячная толпа бушевала, как ночное море. Как подземные гейзеры, взвивались огненные столбы костров. Несколько десятков метров отделяют толпу от плотной стены полицейских. Глаза разбегают слезоточивый газ. Из толпы летят булыжники. Дым костров смешивается с едким туманом газа из рвущихся гранат. В свете

рит, что провел здесь уже несколько часов и удивлен бесвязностью болтовни, которую услышал. Рабочие обходятся без такой помощи студентов, лучше бы они учились. Хохот, аплодисменты, гневные возгласы, снова свистки. Декларация о всеобщей свободе прояснилась в постановлении, запрещающем фотографировать на территории Сорбонны без особого разрешения. Комиссия, занимающаяся «новой» культурой Франции, пока ничего не может предложить, кроме разрушения существующих форм искусства. Безусый юноша с бледным от бессонницы лицом сказал мне: «Для начала не плохо бы закрыть все музеи. Лично я люблю абстрактное искусство, но оно безнадежно устарело. Когда мы все разрушим, новое появится само собой». Знакомая песенка.

мочь студентам освободиться от политического авантюризма, к которому призывают леваки и экстремисты, что девять миллионов бастующих трудящихся Франции ставят перед собой серьезные задачи демократической формы борьбы.

Открытие моей выставки в галерее «Мона Лиза» на рю де Варэн совпало с этими тревожными днями. «Жаль, что так не вовремя открывается твоя выставка», — говорили мне друзья.

Почти все музеи и галереи закрыты. Забастовка охватила почту и все виды транспорта. Пригласительные билеты друзья развозили на велосипедах или разносили пешком. Всюду кордоны полицейских машин, очереди за бензином.

Во Франции, как ни в одной стране Европы, велик интерес к русской культуре. Общеизвестным фактом является популярность во Франции наших писателей. Мне приятно было слышать, что до сих пор жива память о знаменитых «русских сезонах» в Париже, которые происходили в начале века. Именем знаменитого вдохновителя и организатора этих пропагандистских сезонов Сергея Дягилева названа одна из центральных площадей Парижа. Спектакли в оформлении русских художников Александра Бенуа, Рериха, Головина, Коровина потрясли Париж национальной самобытностью, глубиной проникновения, силой и свежестью художественного языка. Наш балет, гений Шаляпина, русская музыка завоевали сердца парижан. Не случайно, когда умер Шаляпин, в Париже была объявлена минута всеобщего траурного молчания. К сожалению, мы недостаточно уделяем внимания опыту русских сезонов. Советские выставки за рубежом часто в своем оформлении и содержании игнорируют национальную самобытность и вместо утверждения наших традиций и эстетических принципов стараются «не отстать» от общепринятых стандартов.

Все русское, советское пользуется здесь необычайным вниманием и любовным интересом. Мне рассказывали, с каким восторгом был встречен в Париже фильм «Война и мир».

Лучшие фирмы мод Франции изучают формы древнерусской одежды.

Мне довелось видеть в музыкальных магазинах пластинки русских композиторов. Русский старинный романс успешно конкурирует с самыми модными песнями современных французских шансонье. Записи русской духовной музыки составляют единый цикл мировых шедевров рядом с Бахом, Генделем, Моцартом, Бетховеном. Я был удивлен, встретив доселе мне неизвестные, записанные на пластинку русские военные марши в исполнении французского оркестра под управлением сына Скрябина.

Поездка во Францию способствовала развенчанию сложившихся у меня представлений о том, что современное французское искусство — «сплошная абстракция». Это не так. Достаточно зайти в «Салон независимых».

На выставке представлены портреты, натюрморты, пейзажи и даже жанровые картины. Особое место занимает тема Вьетнама. Один из популярнейших художников современной Франции Бернар Бюффе рассказывал мне о том, как всем наелась «абстракция».

Я уезжал из Парижа в погожий солнечный день. На знаменитом Монмартре десятки художников исполняли заказы многочисленных туристов, желающих иметь свой портрет, бродячие певцы пели на улицах для прохожих.

Илья ГЛАЗУНОВ.

Париж — Москва.

КОСТРЫ И МУЗЫ ПАРИЖА

зарева костров яростно мечутся фигуры студентов. Глухие хлопки — летят гранаты со слезоточивым газом. Полицейские теснят манифестантов к Сорбонне. Мы очутились в темном подвезде. Нестерпимо режет глаза от газа.

Сорбонна и «Одеон». Воспаленные бессонницей глаза горят решимостью, дежурные с красными повязками, бородастые юнцы в кожаных куртках раздают прокламации, по коридорам — стрелки к помещениям, где заседают разные комиссии, ставящие своей задачей решение судьбы Франции и всего человечества. Захожу в комиссию анархистов. Разложены книги нашего соотечественника Бакунина, переведенные на все языки. «Тактика и стратегия анархизма». Прокламации и призывы к полному и всеобщему разрушению. На каменном полу сидят молодые люди. На стене замечая портрет Мао Цзэ-дуна и наглядное пособие по изготовлению ручной бомбы. На мемориальной доске погибших героев Сопротивления — неуместная юмористическая надпись мелом: «Как вы хорошо сделали, что умерли». Скульптуры мудрецов Эллады преобразены черными пиратскими повязками, многим в руки вставлены черные и красные флажки. Пол усыпан бумагами, окурками.

Я прохожу по всем комиссиям, задаю один и тот же вопрос: «Что бы вы хотели, каковы ваши планы, во имя чего вы проводите свои акции?» Я говорил со многими. Ответ был приблизительно одинаков: «Мы хотим полного разрушения существующих порядков, мы хотим разрушить все, и когда будут развалины, на них мы построим новое». «Но что это новое?» — спрашиваю я и нигде не получаю определенного ответа, кроме одного «все надо разрушить». В аудиториях не продохнуть, круглосуточно идут митинги... Выступает красивая молодая студентка философского факультета в ковбойских ботинках. Она говорит о том, что задача студентов, кроме всеобщего разрушения, идти на заводы и фабрики, чтобы помочь бастующим рабочим наладить производство без владельцев фабрик — капиталистов. Аплодисменты, свистки.

Слово берет молодой рабочий завода «Рено». Он гово-

Руководитель «восстания», снова нелегально вернувшийся во Францию, Кон Бендит, выступал в одной из аудиторий Сорбонны. Я слышал его речь, транслируемую по университетскому радио. «Красный Дани», называемый так за цвет волос, говорил о том, что студенты должны продолжать свою борьбу и не отступать перед трудностями. Во дворе тем временем раздавали листовки с призывом собирать медикаменты для раненых в уличных боях студентов, которых свозили на медицинский факультет Сорбонны. Среди многих других листовок мне запомнились еще две: призыв «общества граждан мира» отказать от отечества, изучать эсперанто и всем стать «общечеловеками», и призыв к свободной любви, лишенной каких-либо буржуазных предрассудков вроде понятий брака и семьи. Призыв иллюстрировался весьма смелым рисунком, который назывался «цирк любви».

Но главные события происходили не на шумных перекрестках Латинского квартала, не в «Одеоно», не в постоянно бурлящем муравейнике Сорбонны, а на окраинах громадного города. В стране, где около 10 миллионов рабочих и служащих объявили забастовку и, заняв предприятия, выразили мощный протест против существующего положения, против антисоциальной политики правительства. Здесь я почувствовал организованную силу рабочего класса, который, отвергая призывы экстремистов, а часто прямых провокаторов, спокойно и сильно заявил о своих требованиях.

Вместе с французским художником-коммунистом мы рисовали сынов рабочей Франции.

Мне довелось встречаться с бастующими молодыми рабочими завода «Рено». Они говорили, что не студенческие баррикады решают проблемы Франции в наше время, что экстремистам и левакам не удастся втянуть рабочий класс в политические авантюры, какими бы р-р-революционными фразами они ни прикрывались, и что необходима стратегическая линия объединения всех демократических сил против власти монополий.

Французские коммунисты говорили мне, что их задача по-